



Автограф Герою России
Вячеславу Алексеевичу Бочарову

РАССОХИН ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в г. Орле. Служил в Заволжье и на Дальнем Востоке. Окончил историко-филологический факультет ОГПИ. Член Союза писателей с 1978 года. Рекомендации дали писатели-фронтовики – Евгений Зиборов, Леонид Афонин, Степан Щипачёв. Издал 32 книги в соавторстве с сыном Сергеем. Среди них «С восходом солнца», «Шапка Мономаха», «Тропинка», «Последняя дуэль», «На ветру», «Небесные снайперы», «Ток», «Победившие смерть», «Сердце над облаками», «По ухабам Отечества»... Публиковался в центральных и местных издательствах.

Виктор Рассохин является подвижником военной истории, каждый год выступает в районах и СМИ Орловщины. За военно-патриотическую работу и благотворительность он награждён медалями «За верность авиации», «70 лет танковой гвардии», «900 лет подвигу священномученика Кукуши», «600 лет крещения амчан и обретения чудотворной иконы святителя Николы во граде Мценске», почётными грамотами и Благодарственным Письмом Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

ИЗ ДЕТСТВА

Коняга — грош, матрёшка — грош!
Выкрикивал старик.
Играй, малыш, а подрастёшь —
Дадут бесплатно штык.

Умелец был — не трын-трава,
И дело знал, и речь.
Не продавалась булавка
И не дарился меч.

Эх, до чего же мудр народ —
Не озлоблял игру!
В военный год, в голодный год
Детей учил Добру!

ПЛЕННЫЕ

Когда я ходил за Сазоновский вал
Ломать чернобыльник на веник,
Я хлеб им за проволоку бросал,
А мне они — стёршийся пфенниг.

В глазах у них не было прежнего зла,
Обычные люди на свете.
Но хищно взирающий профиль орла
Тяжёл был на лёгкой монете.

Глядел он, справляя своё торжество,
На беды огромного света.
Казалось, что сжаты когтями его
И сердце моё, и Планета.

И я, тот кругляк в кулачонке зажав,
Бежал к разветвлению линий.
И рад был, когда проносился состав
И плющил чужой алюминий.

ЯСТРЕБ

Я выстрелил. Тяжёлый, словно камень,
Он на стерню ершистую упал,
И даже мёртвый острыми когтями
Расстерзанного голубя держал.

И вот теперь, когда вхожу в музей
Москвы, Владивостока и Орла,
Я вижу, как загадочно сереют
В застывшей хищной позе чучела.

Мне кажется, что он всё так же хваток,
Что он для птиц — извечная гроза.
Даже такой, когда набит он ватой
И у него стеклянные глаза.

ЛЁТЧИК

Рухнул, ни на йоту не солгавший,
Рухнул на цементный ржавый пол,
Небо над Мадридом защищавший,
Крыльями прикрывший Халхин-Гол.

Разве сокол думал о расстреле,
Что врагом в могилу он сойдёт?
...Память, как неглохнувший пропеллер,
Втягивает нас в круговорот.

ПОД ПЯТИГОРСКОМ

Вот здесь в расцвете знойного июля,
Вновь всколыхнув российские сердца,
Оборвала сатраповская пуля
Дыхание кавказского певца.

Погиб поэт. Но песнь не оборвётся.
Ей в тупость бить,
Стрелять в глухую тьму...
Стоит Машук,
Весь бронзовый от солнца -
Нерукотворный
Памятник ему.

ДОРОГА ЖИЗНИ

Когда блокадный страх сковал Пальмиру,
Когда «Нордлихт» стрельбой гасил восход,
Водители колонной по ранжиру
Мотали на протектор кровь и лёд.

Их «зисам», «эмкам», «студерам» и «газам»
Бывало, не хватало «табунов».
Хотелось поскорей немецким асам
Пустить на дно российских смельчаков.

Лёд двигался в немыслимом движенье,
И каждый метр казался, как верста.
А дети меж торпед, как меж поленьев,
Попрятались от чёрного креста.

Враг наседал, обрушивая злобу,
И бил озноб, когда тонул сосед...
Баранка представлялась, словно глобус,
Крутилась, удаляя их от бед.

О, Ладога! Трагическое счастье,
Когда от сотни — тридцать душ в живых...
Вот почему с великою печалью
По-божьему мы вспоминаем их.

ЧЬИ ОШИБКИ?

— Была за речкой мясорубка, —
Сказал при встрече старожил.
Морпехов в белых полушубках
Враг утром танками давил.

А выдал высадку десанта
Сельчанин, бывший пономарь,
Внук офицера-эмигранта,
Кем после Бога — чтился царь.

Возникло множество вопросов
И у меня, и у него:
Кто бросил в лесостепь матросов,
С верхов поверив в торжество?!

НА РАСПУТЬЕ

На Пасху тёщу я проведаль,
Гостил в деревне в семь дворов.
Где бабки есть, исчезли деды,
Где куры есть и нет коров.

И тётя Дуня, бабка Фрося
При скорбной вытяжке лица
За два-три отдыха доносят
Воды ведёрко до крыльца.

Глядят под вечер отрешённо
За речку, в сторону моста.
И ждут с надеждой почталёна,
Ну как Спасителя Христа.

Уходят в хаты с неохотой,
И просто жалко их до слёз...
А не вчера ли их работой
Гремел на весь район колхоз?!

СПАСИБО, МИЛЫЕ, ЗА ДЕЛО!
За трудный хлеб и молоко!
Хотя бы хворь Вас облетела,
Да чтоб дышалось Вам легко!!!

СПУТНИК

Вот и постарел любимый Шарик,
К конуре подполз и лёг у дров.
А бывало звонким своим лаем
Он встречал и добрых, и воров.

Деревушки все вокруг известны,
Все ходы прошёл наискосок.
Над дворами — жалкое скуленьё,
Неохота псу в иной мирок.

Не скули, подслепший бедолага,
Прежней прыти годы не дадут.
Твой хозяин финна бил и немца,
А родные — строчки не пришлют.

НОВОСИЛЬСКАЯ ВЫСОТА

Нам Зуша того не расскажет,
Ей больно и через года,
Как в зареве корчились Вяжи,
Как с кровью мешалась вода.

И кто б не стоял у излуки,
Сегодня ли, завтра, в веках —
Пусть помнят солдатские муки
И тех, чей развеялся прах.

МЕДСЕСТРА

У большака в избёнке крайней
Живёт одна: вдова и мать.
И удивляются сельчане:
— Кто может письма ей писать?

...Она же, не надеясь выжить,
Под пули шла и под шрапнель...
А после трудно было выжать
От крови тёмную шинель.

О, скольких к жизни возвратила?!
Теперь ей трудно подсчитать.
Бинта с избытком бы хватило
Два раза Землю обмотать.

И ей легко в годах преклонных,
(Вестями жизни освещена),
От писем воинов спасённых,
Которых метила война.

МУНДИР ЧЕТЫРЕЖДЫ ГЕРОЯ

Дорог нам военный гений,
Да не спросишь у него:
«В дни раздумий, поражений —
Под мундиром какво?»

Подвиг тот увековечен
Для народов всех времён.
Ох, давила, точно, плечи
«Тонна» маршальских погон.

Золочёные извивы,
А за ниткой золотой —
И приливы и отливы
Крови нашей и чужой...

КЛАВДИЯ ШУЛЬЖЕНКО

То море в Гаграх в ночь очарования,
То старый парк, где льются смех и речь,
То вас закружит плавно вальс «Молчание»,
«Записка» намекает о тайне встреч.

И голос, откровенный до наивности,
Захватит вашу душу целиком...
Она смогла на крыльях песен вынести
Израненных и пулей, и штыком.

В наш хамский век, когда глаза —
«полтинники»,
Когда в ходу стрельба из-за угла,
Мне видится её платочек синенький,
Летающий одиноко против зла.

ПЯТОЕ АВГУСТА 1943 ГОДА

Сияли радостные лица,
Как будто май вернулся к нам.
Впервые древняя столица
Салютовала городам.

И было столько благородства
В глазах бойцов и горожан.
В войсках — качали белгородцев,
Везде — качали орловчан.

Пахнуло нежностью черёмух,
Пришли мечты о соловьях
На боевых аэродромах,
На катерах и кораблях.

Мы помним радужное небо,
Оно светилось над страной.
И каждый воин, где б он ни был,
Сверял дыхание с Москвой!

ТРИУМФ СОЮЗНИКОВ

П О Б Е Д А !!! — в мире пронеслось,
И засветились всюду лица!
Сломалась дьявольская «Ось»,
А с нею — вражья колесница.

И не цвела ещё сирень,
Черёмуха благоухала,
Но вечер был похож на день —
Концерт Русланова давала.

Весь в именах Рейхстаг чадил,
Так победители стреляли:

Безостановочный Салют —
Салют из слёз,
Салют из пуль —
Руины города дрожали!

Сиял от залпов небосвод,
Он славил жизнь особой метой,
Тех, кто погиб в пучине вод
И в небесах сгорел кометой...

То был Единственный Салют:
Салют из пуль, Салют из слёз,
САЛЮТ БОЖЕСТВЕННЫЙ — ДО ЗВЁЗД!!!

УРОК ИСТОРИИ

Жестокость сечи не опишешь
словом,
Свет пересилил наваждение мглы:
Сломали крылья

в поле Куликовом
Степные всемогущие орлы.
И память не померкнет о Победе,
Ничем нельзя Россию

шельмовать!
Пусть ближние и дальние соседи
Себя не тешат мыслью нападать.

КОРМИЛЕЦ

— Родня? Родня уже чужая,
Её примял комфорт и шик.
Она на праздник приезжает,
Чтоб здесь принять за воротник.

Скажу вам правду, я не брежу,
Надеюсь, все меня поймут:
Как поросёнка я зарежу,
Поспеют гуси — тут как тут.

В ГЛУБИНКЕ

На кладбище просто — как жили,
Нет бронзово-мраморных вех.
Цветы не на каждой могиле,
Оградки стоят не у всех.

И в этом молчанье заречном,
Где в каждой судьбине — страна,
Сгорал я в раздумьях о вечном:
ОТ СЛЁЗ ЗДЕСЬ РОСА СОЛОНА...

ХЛЕБ

И города, и веси
Расстроены в стране,
Что стал он лёгок в весе
И так тяжёл в цене.

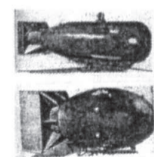
Был комбайнёр счастливым,
Шофёр спешил на ток.
Кто, озирая нивы,
Залез в наш кошелёк?!

УЧЁНЫМ

Тайны лабораторий,
как мне до вас добраться?
Тайны военных игр, как
как мне взглянуть на вас?
Знаю, вас охраняют
кнопки сигнализаций,
Роботы и охрана,
мощная без прикрас.

Но и за той охраной
зорко следит охрана.
Власти к охране лучшей
пока ещё не пришли,
Чтобы никто из клана
не рассекретил плана,
Плана шитья и кройки
космоса и Земли.

Сильный захватит солнце,
друг по захвату — лучик,
Слабому остаётся
в страхе от войн дрожать...
В недрах лабораторий
столько учёных лучших:
Думайте о Вселенной,
как о ребёнке мать!



Атомные бомбы
«Малыш» и
«Толстяк»,
сброшенные
на Хиросиму и
Нагасаки 6 и
9 августа 1945 г.



Автор (в центре) на митинге в Орле в честь присоединения Крыма к России

РАССОХИН СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Прозаик, публицист. Родился и работает в г. Орле. Служил в рядах ВМФ СССР. В соавторстве с Виктором Рассохиным издал более 30 книг, в т.ч. «Шапка Мономаха», «Щедринарий», «Небесные снайперы», «ТОК», «Мы Вас любим, фронтовики!», «Посмертный обыск», «Победившие смерть», «Штурмующий небо» и др. Награжден памятной медалью РПЦ «900 лет подвигу священномученика Кукуши», медалью «70 лет Танковой гвардии», а также грамотами и дипломами. Будучи художником-дизайнером, сам оформил свои произведения «Тихие Гавайи?» и «На воде некуда бежать».

Писатель является активным пропагандистом военной истории, регулярно выступает в районах области, на радио и телевидении. В Год литературы его труд отмечен юбилейной медалью «70 лет Великой Победы» и православной наградой «600 лет крещения амчан и обретения чудотворной иконы святителя Николая во граде Мценске». Член Союза российских писателей с 2013 г.

ЭКИПАЖ МАШИНЫ БОЕВОЙ

Светлой Памяти Героев-кантемировцев 43-й отдельной танковой бригады – лейтенанта С.Д. Песенко, механика-водителя М.Г. Полтавца, башнёра С.Д. Филина, радиста-пулемётчика А.П. Шорохова

9 января 1944-го комсомольский экипаж Т-34 под командованием Стефана Песенко вместе с однополчанами-гвардейцами из танкобригады подполковника Болтянского рванул на штурм вражеских укреплений в деревне Синяки Витебской области. Находясь под прицельным противотанковым огнём, быстро маневрируя на труднопроходимых подступах к опорному пункту противника, удалцы первыми проббили брешь в обороне врага. Стремительно-сокрушающий прорыв посеял панику и замешательство немцев, что дало возможность атаковать нашей пехоте.

Весь день «тридцатьчетвёрка», мастерски и отважно ведомая Михаилом Полтавцем, крушила блиндажи и траншеи, давя агресоров гусеницами и уничтожая их из пушки и пулемёта. К исходу дня экипаж поджёг САУ «Фердинанд», вмая в землю два противотанковых расчёта и шесть блиндажей с гарнизонами, размолотил четыре легковушки, истребил пять дзотов с обслугой, укрепив победный результат уничтожением около 60 солдат и офицеров.

В горячке ближнего боя экипаж и не заметил, как наступила многочасовая январская ночь. Пытаясь отойти к своим, старший сержант Полтавец на полном ходу допустил ошибку не по своей вине: 30-тонная машина проломил тонкий лёд болота и легла на правый борт, застопорив орудие командира башни, старшего сержанта Семёна Филина.

Положение усугублялось не только близостью фрицев, но и 25-градусным морозом, отсутствием воды и вероятностью голодовки. Сказывалась удалённость от позиций наступавшей 33-й армии, а также недвижимое нахождение танка на нейтральной полосе с вышедшим из строя дизелем...

Запас продуктов составлял три суток. Исходя из ситуации, товарищи по несчастью разделили паёк на семь дней. Попытка добыть воды или снега не увенчалась успехом – танк находился под обстрелом из крупнокалиберных пулемётов. Экипаж был вынужден соскребать иней с корпуса машины изнутри, оседавший на броне из-за разницы температур.

Сильнее жажды мучил воинов жуткий мороз, бросающий ребяг то в озноб, то в жар, то в цепкую дремоту. Какая там еда, когда на пятые сутки противостояния у всех были заморожены руки...

Стужа, нестерпимая жажда, расход последних крошек пищи обессилели кантемировцев, сделав их фактически нежизнеспособными. Беспрецедентным сплочением духа, воли и черт характеров русско-украинский союз еле-еле жил, но не сломился.

Немцы, осознав, что «Иваны» в заданье, предприняли не одну попытку захвата сверхстойкого экипажа, не раз окружали танк плотным кольцом. Храбрецы отстреливались до последнего патрона, а затем враги отступили, дав морозу и голоду возможность довершить их судьбу.

«Тридцатьчетвёрка» полностью обесточилась: у неё сели аккумуляторы, не работала раация. Эвакуировать машину и экипаж было абсолютно нереально – они застряли на переднем крае обороны противника у населённых пунктов Синяки и Дымоново. Уму непостижимым образом Гвардии старшине Анатолию Шорохову, башнёру Семёну Филину и лейтенанту Стефану Песенко удалось отремонттировать пушку и поджечь выдвинутый против них вражеский танк.

Их комбат, майор Пётр Кириллович Кушнир, которые сутки мучились в догадках-домыслах – его сослуживцы «пропали без вести»! То, что с ними произошло, не приходило в головы по обе стороны фронта, не укладывалось в разумные национальности, не вы-

ражалось и не объяснялось на русском и немецком языках...

Почти семнадцать суток заперённой блокады, ледовый плен свыше двух недель или 396 часов(!) в осаждённом танке – подобного боевого эпизода и бесподобного героизма не знала и не познает вся летопись бронетанковых войск Второй Мировой, независимо от гострота или госфлага. Для понимания эпохи нынешним поколением процитируем документ военного лихолетья. В политдонесении начальника политотдела 43-й Гвардейской танкобригады Гвардии подполковника Болтянского, адресованном начальнику политотдела 33-й армии, полковнику Паша, сообщалось:

«И только на 17-е сутки, в момент обстрела нашей артиллерией вражеских позиций на участке осаждённого танка, четыре отважных воина, напрягая свои последние силы, выбрались из машины...

12 гранат – это всё, что осталось в их распоряжении, – они оставили на всякий трудный момент: в последнюю безвыходную минуту подорвать себя, но не сдаться в плен.

Командир танка лейтенант Песенко обратился к экипажу: «Товарищи, мои боевые друзья, нам приказано держаться до последнего. Из нас трое комсомольцев и один кандидат партии Ленина. Мы должны устоять. А если потребуются – отдадим свои жизни, но не сдадимся в лапы фашистскому зверю». «Устоим, товарищ лейтенант», – ответили в один голос Полтавец, Филин и Шорохов...

За проявленную стойкость, мужество и отвагу героический экипаж представлен к правительственным наградам.

Фронтовики выжили в аде Великой Отечественной войны, встречались в Москве, спустя 23 года после войны. Песенко, Полтавец, Шорохов долго лечились в военгоспитале от сильнейшего обморожения, а наш земляк, шаблыкинцев Филин, тащивший друзей по снегу в одиночку, отлежался в медсанбате своей бригады. Его Т-34 реставрировали ремонтники сразу же после освобождения места, где он угодил в коварную западню...

Семён Дмитриевич прошёл с новым экипажем Белоруссию, Прибалтику, Польшу, встретив Победу после штурма Кёнигсберга. Его прошедшая тысяча вёрст «тридцатьчетвёрка» прогрохочет по Красной площади 24 июня 1945 года, на самом выстраданном Параде войск в истории, в рядах элитной 4-й Гвардейской Кантемировской дивизии.

Проживавший в Кишинёве комбат П.К.Кушнир многократно ходатайствовал о присвоении чудо-экипажу звания Героя Советского Союза, посылая запросы и бумаги в Наро-Фоминск, Подольск и Минобороны СССР. Ответы приходили разные: чаще бесполезные, да отказные...

Телепередача «Эстафета новостей» и радиожурнал «Служу Советскому Союзу» продали броненосцам зное число лет жизни, с наградами и без наград. Теперь далеко от нас Песенко – похоронен во Львове. Немного протянул в миру Полтавец – слёг на кладбище Кременчуга. Нет Кушнира – и нет Советской Молдавии. Стали белыми-седыми дети Красноармейска, где учительствовал Шорохов. Обрёл вечный покой в Шаблыкино богатырь Семён Филин. Рядом с ним, спустя годы, упокоился Герой Сталинграда Илья Воронов. В зловонных 90-х сгорел Музей «Кантемировка», отчего умер от инфаркта его ангел-хранитель Михаил Румянцев...

Их воскресить, хотя мы долго, до слёзности глаз, всматриваемся в лазурь апрельского неба, глядя на курлыкающих журавлей, помня наизусть строки из песни на стихи Расула Гамзатова.

Февраль 2015 г., Орёл – Витебская область – Шаблыкино – Кромы – Орёл

КАЗАХСТАНСКИЙ БОГАТЫРЬ ЖАРДЕМ СУПИГАЛИЕВ

30 января в Должанском районе Орловской области вспоминают героев-красноармейцев из Казахстана, защищавших эти края в годы Великой Отечественной войны. В этом номере мы расскажем читателям историю одного из таких славных сынов Отечества, полного кавалера орденов Славы и Отечественной войны Жардема Супигалиева, павшего в боях за Орловщину.

Фанатичные самураи и орден Красной Звезды

Не счастье героических подвигов советских воинов, чья ратная судьба и слава ещё ожидают полного раскрытия перед послевоенными поколениями. Ярчайшим примером воинской доблести, самопожертвования и любви к Родине является боевой путь стрелка 109-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии рядового Жардема Супигалиева, уроженца села Жетибайское Урдинского района Западно-Казахстанской области.

В 1938 году, после окончания школы, будущий Герой трёх войн, не предвидя, «что» выпадет на его солдатскую долю, призывается в РККА Урдинским РВК. Первоначально Жардем служил в Белоруссии под началом Г. К. Жукова, затем под его же командованием отличился в сражении у реки Халхин-Гол, в Монголии. Затяжные кровопролитные бои с фанатичными самураями длились три месяца. В них храбрец Супигалиев завоевал первую выстраданную награду – орден Красной Звезды.

Во время вторжения немцев и последующей оккупации Отчизны агресорами Супигалиев в первых рядах 88-й стрелковой дивизии участвовал в Битве за Москву. Фронтовая судьба вновь свела его с генералом Г.К. Жуковым, приказавшим создать спецподразделение из «халхин-гольцев».

На линии огня у деревни Калиновка

Участники сверхтрагичной обороны Смоленска Жардем и его однополчане били врага на Родине Советской Гвардии – под Ельней. Тогда его полк истребил в одной из яростных атак около 50 солдат и офицеров Вермахта. Беспрецедентные смельчаки остановили семь танков, подавили огонь и расчёты трёх дзотов и десяти пулемётных гнёзд. За стойкость, решимость и находчивость командование полка награждает Супигалиева орденом Отечественной войны I степени. Помимо обороны Смоленска, Ельни, Москвы, Гвардейский полк Жардема сражался под Ленинградом, затем Сталинградом. В Битвах за города Ленина и Сталина меткий стрелок заслужил орден Отечественной войны I степени и орден Славы I степени.

С января 1943-го истребительное отделение особого назначения, где воевал отважный казах, на линии огня Орловско-Курской дуги. В ужасающем аде кровопролития в небе, на воде и земле подразделение Жардема 12 раз отбивало атаки фашистских танков и пехоты. В жесточайших схватках защитники Родины подожгли и подбили девять танков, расстреляли около 30 оккупантов, уничтожили два дзота с расчётами.

В бою 27 января у деревни Калиновка Должанского района Орловщины немцы бросили на горстку русских богатырей четыре танка из состава танковой колонны. Истекавший кровью Жардем и трое его однополчан обвязались противотанковыми гранатами и – ценой своей жизни – заблокировали головные бронемашины, чем застопорили дальнейшее продвижение крестоносной колонны.

Так героически погиб славный сын Казахстана, бесстрашный воин, патриот Жардем Супигалиев. Его посмертно награждают орденами Славы и Отечественной войны I степени. Но истинное горе по 29-летнему сыну, мужу, отцу было выплакано слезами родни и жены Натары после получения «похоронки» Жетибайским сельсоветом...

Сын об отце

Об «огнях-пожарищах» и судьбе отца поведал авторам строк его сын Бекес (Бекарыстан) Жардемич, искавший могилу папы 59 лет после войны. Куда только не обращался Супигалиев-младший – в Минобороны РФ, в комитеты ветеранов Казахстана и России, к СМИ разных стран (не стало СССР), в Центральный архив Минобороны России...

Мы случайно встретились с Бекесом за сутки до празднования 65-летия Победы, у фасада администрации Орловской области. Почётный гость региона шёл на приём к губернатору, возглавившему оргкомитет «Победа». Специл, сильно волнуясь. Мельком показал последнее фото отца. Договорились встретиться позже. Борис Сергеевич (так он попросил себя называть для упрощения) пригласил нас в номер гостиницы «Русь».

Бекес Жардемич, ветеран МВД, долго рассказывал, как впервые побывал с детьми и внуком на могиле их боевого предка, упокоившегося в селе Родники Должанского района. Вспоминал, как был тронут многолетним вниманием местных жителей, про зелёный забор, памятник и мемориальную доску. Сын фронтовика прослезился при упоминании о средней школе имени Жардема Супигалиева. Показал фотографии, где он вместе с сыном – внуком героя, подполковником и командиром войсковой части Республиканской гвардии Исатаем Жардемовым. На снимке – отец и сын стоят у памятника отцу и деду. Надпись на доске гласит: «Супигалиев Жардем, казах, 1914 года рождения, Западно-Казахстанская область, Джанибекский район, красноармеец. Погиб 27 января 1943 года, захоронен – Орловская область, Должанский район, село Родники».

– Началась эта история давно, ещё по линии МГО СССР, – говорит прямой потомок героя, протягивая документы. – Вот переписка с главами администрации Должанского района В.А. Семёновым и А.И. Писаревым – они заказывали плиту в мраморном исполнении для увековечения памяти моего отца. А это – справка из Центрального архива Минобороны России. Читаю выборочно:

«...в алфавитной книге учёта безвозвратных потерь личного состава 190 сп 74 сд за 1943 г. значится: «рядовой Супигалиев Жардем» (фамилия, имя – так в документе). Других сведений нет...

Сведения о наградах орденов Славы трёх степеней имеются... Других документов полка, необходимых для наведения справки за указанный период, на хранении в ЦАМО нет...

Седой казахстанец замолкает и, слегка прикрыв веки, погружается в скрижали воспоминаний. Берём, с его одобрительного кивка, один из документов и удивляемся:

– От генерала армии, Героя Советского Союза В.Д. Говорова?

Читаем письмо Председателя Центрального совета ветеранов войны, труда и Вооружённых Сил Российской Федерации:

«Семье Супигалиева Жардем!

Ваш муж, отец, защищая нашу Родину, героически погиб в селе Калиновке Должанского района, на Курско-Орловской дуге в великом Сражении. За это Сражение ему присвоено звание Героя как солдата, награждённого тремя орденами Славы.

С искренним уважением и с добрыми пожеланиями семьям погибших за Родину – В. Д. Говорова.»

Герой Советского Союза

Действительно, четыре ордена Красной Звезды, две медали «За отвагу», полное кавалерство орденов Славы и Отечественной войны Жардема Супигалиева приравниваются к званию Героя Советского Союза. Храбрейшие из удальцев, многократно совершавшие подвиги во имя Отчизны, удостоивались чести быть трижды награждёнными орденами Славы. О победивших смерть Героях отлично помнят и в издательстве «Казахстан», опубликовавшем галерею славных орденосцев Ж. Супигалиева, В. Пинчука, Д. Унчибаева, П. Бальбота, А. Заику, С. Сердюкова, М. Тютюнникова, В. Осипова, С. Ешбаева.

Да, память о них нетленна и переживёт века! Вопреки забвению, взаимосвязь поколений России и Казахстана, взаимовыручка патриотов из комитетов ветеранов войны открыли ещё одно незабвенное имя, спустя более 60 лет после величайшей трагедии Человечества XX века. На мемориале Славы на Родине Жардема Супигалиева в Уральске накануне Дня Победы земляки и гости увидели барельеф с его изображением.

– Для меня Орёл и Орловщина очень дороги, ибо отец погиб в святой земле великорусской. Раз моего отца похоронили по чести и установили памятник, я всю жизнь буду помнить человеческое отношение, – говорит Бекес Жардемич, перед отъездом в родной Актау. – Если не вы, писатели, то кто же может посвящать нас в героические дела наших солдат и офицеров, кто будет искать и воскрешать их имена, а не кричать о патриотизме к юбилейно-памятным датам?!

На том и распрощались, обменявшись адресами и книгой в подарок. Отличное пожелание! Будем жить, творя, забвению вопреки...